

Жизнь крестьян в России начала XX века

12+

Борис Романов

Борис Романов

**Жизнь крестьян в
России начала XX века**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Романов Б.

Жизнь крестьян в России начала XX века / Б. Романов —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

Рассмотрен уровень жизни крестьян в России конца XIX - начала XX века, их иллюзии о "чёрном переделе" и действительные проблемы. Ранее в некоторых своих книгах (например, " Николай II и Россия до 1917 года", есть на ЛитРес) я писал о жизни крестьян до 1917 года, но до сих пор не публиковал всё написанное мной по этой теме в одной брошюре — теперь делаю это.

Содержание

Часть 1. ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН В КОНЦЕ XIX ВЕКА.	6
Иллюзии о помещичьих землях и действительные проблемы	8
«Кулак, середняк, бедняк»?	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Ранее в некоторых своих книгах (например, " Николай II и Россия до 1917 года", есть на ЛитРес) я писал о жизни крестьян до 1917 года, но до сих пор не публиковал всё написанное мной по этой теме в одной брошюре – теперь делаю это.

На обложке – фотография Сергея Михайловича Прокудина-Горского (1863-1944) "Крестьяне в поле" (сделана около 1907 года) из собрания Библиотеки Конгресса США, завещанного его наследниками для открытого доступа.

Часть 1. ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН В КОНЦЕ XIX ВЕКА.

К концу XIX века проблемы выкупа помещичьих земель оставались ещё тяжелым бременем примерно для 35% крестьян, именно для бывших до реформы 1861 года *крепостными*. Кроме *крепостных*, до 1861 года были ещё *государственные* крестьяне (жившие на казённых землях, их было 45% от общего числа) и *удельные* крестьяне (на землях императорской фамилии). Забегая несколько вперёд, напомним, что все проблемы выкупов были окончательно решены (через их списание) только в 1906-1907 гг. Таким образом, к концу XIX века процесс становления крестьян-собственников хотя и значительно продвинулся, но ещё не был завершён. В этом деле Россия отставала на 50 и более лет от развитых стран Европы. Значительно ниже чем в Европе были и грамотность крестьян, и агрокультура, и урожайность на полях.

Не была решена ещё и проблема неурожайных лет (недостаточное развитие в России сети железных дорог, которые в Европе уже обеспечивали мобильную переброску запасов зерна), что иногда приводило к массовому голоду во многих неурожайных губерниях. Последний массовый голод в царской России был в катастрофически неурожайном 1891 году – я надеюсь рассказать об этом в отдельной публикации, где сопоставлю массовый голод 1891 года с советскими голодоморами (1920-х, 30-х и 1946 года).

Далее, говоря о проблемах крестьянства конца XIX века, необходимо отметить очень высокую детскую смертность: она была примерно в 2.5 раза выше чем в среднем по Европе. Все эти проблемы стали активно и быстро решаться только в начале XX века, в правление Николая II, и особенно решительно и стремительно в 1907-1917 гг – в годы т.н. Русского экономического чуда. Я расскажу об этом позже, во второй части этого обзора о жизни крестьян. Здесь же замечу, что сформированные в СССР представления о «тяжёлой беспросветной участи русского крестьянина» всё же очень сильно преувеличены, даже относительно XIX века, не говоря уже о 1907-1917 гг.

Оппоненты часто ссылаются на тексты русских классиков о крестьянстве. Так, по опыту дискуссий о жизни крестьян в царской России знаю, что для доказательства тяжелой их доли нередко вспоминают двенадцать писем из деревни Александра Николаевича Энгельгардта [Энгельгардт А. Н., Из деревни: 12 писем 1872-1887 гг. М.: Наука, 1999].

Но не будем забывать, что это письма из 1870—80-х годов, а положение крестьян с конца XIX века и до 1917 года быстро улучшалось. Не стоит забывать и о том, что профессор Энгельгардт был близок к народникам (и, собственно, в свою деревню Батищево был сослан в 1870 году в связи со студенческими волнениями, организованными, кстати, главным бесом народников – уже упоминавшимся нами Сергеем Нечаевым). Понятно, что Энгельгардт, когда уделял время описанию жизни крестьян, останавливался прежде всего на бедах русской деревни тех времен. Тем более с исторической точки зрения нельзя назвать отражающими всю полноту жизни крестьян произведения русских писателей, классиков нашей литературы. Некрасов, Толстой, Короленко – они ведь писали именно о том, о чем болела душа, о бедах народных, хотя бы эти беды и касались только самых бедных, самых униженных, самых оскорбленных. А сколько было этих самых бедных? 10-15 %? Вряд ли больше 20 %. Конечно, и это много, но, если мы занимаемся историей, то давайте изучать положение всех слоев крестьянства, а не только бедноты.

Возвращаясь к письмам Энгельгардта, замечу, что цитируются они обычно весьма выборочно. Например, расхожая цитата:

В нашей губернии, и в урожайные годы, у редкого крестьянина хватает своего хлеба до нови; почти каждому приходится прикупать хлеб, а кому купить не на что, те посылают детей, стариков, старух в «кусочки» побираться по миру. В нынешнем же году у нас полнейший неурожай на все... Плохо, – так плохо, что хуже быть не может. <...> Крестьяне далеко до зимнего Николы приели хлеб и начали покупать; первый куль хлеба крестьянину я продал в октябре, а мужик, ведь известно, покупает хлеб только тогда, когда замесили последний пуд домашней муки. В конце декабря ежедневно пар до тридцати проходило побирающихся кусочками: идут и едут, дети, бабы, старики, даже здоровые ребята и молодухи.

Тяжелая картина! Но не припомню, чтобы кто-то из оппонентов цитировал следующий абзац этого же письма Энгельгардта:

«Побирающийся кусочками» и «нищий» – это два совершенно разных типа просящих милостыню. Нищий – это специалист; просить милостыню – это его ремесло. Нищий, большею частью калека, больной, неспособный к работе человек, немощный старик, дурачок. <...> Нищий – божий человек. Нищий по мужикам редко ходит: он трется больше около купцов и господ, ходит по городам, большим селам, ярмаркам. <...> У побирающегося кусочками есть двор, хозяйство, лошади, коровы, овцы, у его бабы есть наряды – у него только нет в данную минуту хлеба; когда в будущем году у него будет хлеб, то он не только не пойдет побираться, но сам будет подавать кусочки, да и теперь, если, перебившись с помощью собранных кусочков, он найдет работу, заработает денег и купит хлеба, то будет сам подавать кусочки. У крестьянина двор, на три души надела, есть три лошади, две коровы, семь овец, две свиньи, куры и проч. У жены его есть в сундуке запас ее собственных холстов, у невестки есть наряды, есть ее собственные деньги, у сына новый полушубок. [Энгельгардт А. Н., Из деревни: 12 писем 1872-1887 гг. М.: Наука, 1999]

Три лошади, две коровы, семь овец, две свиньи, и прочее – да это середняк (а то и кулак) по меркам 1930-х годов... А побирается кусочками он потому, что не хочет ничего продавать из своего добра и знает, что в этом году (неурожайном для его семьи, деревни или всей губернии) помогут ему, а в следующем, неурожайном для кого-то другого, уже он будет помогать. Это обычный для русской деревни принцип крестьянской взаимопомощи. Кстати, в фундаментальном научном исследовании д. и. н. М. М. Громыко «Мир русской деревни» [Громыко М. М., Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991] можно подробно прочитать об этом.

И, заканчивая это длинное отступление о книге А. Н. Энгельгардта, следует сказать, что, безусловно, все образованное общество России того времени было благодарно ему (и, безусловно, справедливо благодарно) как за эти письма, так и за его деятельность в пореформенной русской деревне. Замечу также, что эти письма печатались в то время в «Отечественных записках» и «Вестнике Европы» безо всяких цензурных вырезок.

Все познается в сравнении. Вы можете себе представить, чтобы какой-нибудь правдоискатель или писатель публиковал свои письма из деревни в 1930-х годах в советских газетах и журналах, где описывал бы происходящее? Можете себе представить, что такое случается во времена Сталина? Разве что в личном письме самому Сталину, рискуя свободой (а то и жизнью) осмелился, например, Шолохов написать об этом. А попробовал бы он это опубликовать!

Иллюзии о помещичьих землях и действительные проблемы

К концу XIX века из 380 миллионов десятин земли в Европейской части России **только 15 % принадлежало дворянам**, а в Сибири и на Дальнем Востоке дворянских землевладений вообще не было [Пушкарёв С. Г., Обзор русской истории. М.: Наука, 1991]. Огромные земельные владения казны большей частью состояли из неудобных земель: таежных северных лесов, тундры, гор, болот [История России. XX век: 1894-1939 / под ред. Зубова А. Б. М.: Астрель, 2009., с. 72]. Причем, при преобладании мелкого крестьянского землевладения в России малоземельных хозяйств (менее 5 десятин на двор) было гораздо меньше, чем в других странах – менее четверти. Так, во Франции хозяйства менее 5 гектар (это 4,55 десятин) составляли около 71% всех хозяйств, в Германии – 76%, в Бельгии – 90%. Средний размер землевладения французских крестьянских хозяйств в конце XIX века был в три-четыре раза меньше, чем русских [Пушкарёв С. Г., Обзор русской истории. М.: Наука, 1991]. При этом в России крестьянам принадлежало 62% всех удобных земель, в то время как во Франции – 55%, в Пруссии – 12%, а в Англии в то время почти все крестьяне были только арендаторами земель латифундистов. **Возможность улучшить положение крестьянства за счет помещичьей собственности была иллюзией (которую, тем не менее, активно успешно раздували в своих целях революционеры и часть интеллигенции).** Увеличение средней площади земли, находящейся в пользовании крестьян после большевистского Декрета о Земле 1917 года, составило всего 16,3% [История России. XX век: 1894-1939 / под ред. Зубова А. Б. М.: Астрель, 2009., с. 72].

Главной проблемой российского крестьянина примерно до 1907 года была техническая отсталость, низкая производительность хозяйства, а также общинное землевладение.

Тем не менее, уже со второй половины XIX века для предприимчивого крестьянина и община была не помехой. Он мог как опираться на нее и в чем-то с нею считаться, так и действовать достаточно самостоятельно. Выразительным свидетельством возможностей для предпринимательской инициативы служит огромная роль так называемых торгующих крестьян в экономике страны еще при крепостном праве, а также происхождение купцов и предпринимателей из крестьян как массовое явление во второй половине XIX века.

Вообще крестьянской поземельной общине, с ее уравнительными тенденциями и властью «мира» над отдельными членами, в России чрезвычайно «повезло»: ее поддерживали, защищали и охраняли все – от славянофилов и Чернышевского до Победоносцева и Александра III. Сергей Витте пишет об этом в своих «Воспоминаниях» [Витте С. Ю., Воспоминания. М.: Соцэкгиз, 1960]:

Защитниками общины являлись благонамеренные, почтенные «старьевщики», поклонники старых форм, потому что они стары; полицейские пастухи, потому что считали более удобным возиться со стадами, нежели с отдельными единицами; разрушители, поддерживающие все то, что легко привести в колебание, и наконец теоретики, усмотревшие в общине практическое применение последнего слова экономической доктрины – теории социализма.

Напомню также, что крестьянские общины в России за сотни лет до этого были насаждены сверху (властями, для фискальных целей – сбора налогов), а вовсе не являлись результатом добровольного объединения крестьян или «коллективистского характера русского народа», как утверждают прежние и нынешние «почвенники» и «государственники», а также «красные» всех мастей и оттенков. На самом деле, по своей сути русский человек и был, и есть большой индивидуалист, а также созерцатель и изобретатель.

Вероятно, главная беда крестьянского вопроса в России начала XX века была в том, что все «передовые» (именно в кавычках) партии (сначала РСДРП, после эсеры и большевики, а затем даже и кадеты) предлагали и обещали крестьянам отдать им господскую землю – но если бы крестьяне имели понятие об аграрной статистике и знали бы, что дележка «господских» земель может увеличить их землепользование лишь на 15-20 % (а к 1917 году уже не более чем на 10%), они, конечно, не стремились бы к ней, а занялись бы возможным улучшением собственного хозяйства и усовершенствованием системы земледелия (при старинной «трехполке» треть земли постоянно не использовалась)

Об этой проблеме писал известный зарубежный историк С.Пушкарёв [Пушкарёв С. Г., Обзор русской истории. М.: Наука, 1991]:

Но они (крестьяне) возлагали на предстоящую «прирезку» совершенно фантастические надежды, а все «передовые» (в кавычках) политические партии поддерживали эту иллюзию – поддерживали именно потому, что отъем господских земель требовал революции, а кропотливая работа по улучшению урожайности и технической оснащенности (в частности, через развитие на селе кооперации) этого не требовала. Этот прямо обманный, аморальный подход к крестьянскому вопросу составлял суть крестьянской политики всех левых, революционных партий, а затем и кадетов.

А ведь коренная нравственность страны держалась прежде всего крестьянством. Наряду с трудолюбием, честь и достоинство составляли ее стержень. И вот, эту основу начала разъедать ржавчина лукавой и обманной агитации левых партий тогдашней России.

«Кулак, середняк, бедняк»?

Каково было расслоение крестьянских хозяйств к началу XX века? Ленин в одной из первых своих работ «Развитие капитализма в России» (1899) на основе анализа земской статистики по Европейской части России (по пахотным губерниям, с преобладанием зернового хозяйства) приводит следующие данные:

Безлошадные крестьянские хозяйства: 27,3 %, с 1-й лошадью: 28,6 %, с 2-мя лошадьми: 22,1 %, с 3-мя и более лошадьми: 22 % [В.И. Ленин, ПСС, т. 3, гл. X].

Правда, в эти данные Ленин не включил статистику по богатому Донскому краю и сделал оговорку о том, что в молочных хозяйствах надо бы учитывать число не лошадей, а коров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.